

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/94/21

Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики как решающий фактор трансформации топонимической системы бассейна реки Томи в 20–70-е гг. XX в.

Анатолий Андреевич Тухель

Томский государственный университет, Томск, Россия, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Аннотация. Анализируется трансформация топонимической системы бассейна р. Томи в 20–70-е гг. XX в. под влиянием различных социокультурных и политико-идеологических факторов, воздействий, в числе которых коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень выделяются как наиболее значимые, решающие. Сделаны выводы относительно количественных и качественных изменений топонимики, основного принципа ее организации как системы, выделены ключевые этапы таких изменений.

Ключевые слова: топонимическая система, реорганизация сельского хозяйства, коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень

Для цитирования: Тухель А.А. Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики как решающий фактор трансформации топонимической системы бассейна реки Томи в 20–70-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 172–183. doi: 10.17223/19988613/94/21

Original article

Reorganization of the agricultural sector of the economy as a decisive factor in the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s–1970s

Anatoly A. Tukhel

Tomsk State University Tomsk, Russian Federation, Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Abstract. In this article the author analyzes the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s – 1970s under the influence of various socio-cultural and political-ideological factors, among which collectivization, enlargement of collective farms, liquidation of unpromising villages are singled out as the most significant and decisive.

When studying sociocultural processes, including the reorganization of agriculture, the author considers it necessary to use interdisciplinary methods and approaches, in particular, toponymy data for the analysis of information and in-depth study of processes on the basis of specific numerical indicators, which corresponds to the general orientation of historical science at present on the search for new sources of information and relevant methods of work.

In order to achieve the research goal, namely, to determine the root causes of destructive trends in the agrarian sector and the destruction of the toponymic system in qualitative and quantitative terms, it is necessary to apply comparative-historical, historical-genetic, structural-diachronic, systemic and content analysis, since toponymy has been constantly changing in historical retrospect. There are many toponymic systems, from regional to global, and they all differ from each other. The toponymic system of the Tom river basin is, first of all, a system that has its own principles of organization and constituent elements. At different chronological stages, the toponymic system is largely transformed qualitatively and quantitatively, so it is important to take into account such changes.

In addition, the author identifies destructive trends in the toponymic system of the Tom River basin, their root causes and consequences for toponymy. Since toponymy is an indicator of the nature of socio-cultural processes, their reflection, negative manifestations in social life, way of life, and economy become obvious, as these are not just names or marks on the map that appear, change, disappear, but real settlements with real people and their fates.

The conclusions are based on archival materials, legislative acts, toponymic dictionaries and other sources. The paper provides numerical indicators of the disappeared, appeared, changed status (etc.) settlements located in the territory of five districts of Tomsk region and the entire territory of Kemerovo region for the whole specified period, which is the territory of the Tom river basin.

Keywords: toponymic system, agricultural reorganization, collectivisation, consolidation of kolkhozes, liquidation of unpromising villages

For citation: Tukhel, A.A. (2025) Reorganization of the agricultural sector of the economy as a decisive factor in the transformation of the toponymic system of the Tom river basin in the 1920s–1970s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 172–183. doi: 10.17223/19988613/94/21

В современной Российской Федерации существует тенденция стремительного разрушения, деградации сельских населенных пунктов и оттока населения в город. Учитывая, что Россия до сих пор в значительной степени остается аграрной страной, а правительство нацелено на развитие сельского хозяйства, в том числе с целью обеспечения внутреннего рынка продовольствием (продовольственная безопасность), автор считает необходимыми определение первопричины кризиса на селе и анализ факторов, которые активно проявились в 20–70-е гг. XX в. и вызвали деструктивные тенденции, сохраняющиеся и по сей день. Учитывая подобный опыт, вполне возможно направить в нужное русло внутриполитический курс РФ и тем самым предотвратить возможную катастрофу в сельскохозяйственном секторе, ограничить дальнейшее разрушение и исчезновение населенных пунктов.

Принимая во внимание тот факт, что в современной российской исторической науке существует необходимость расширения источниковой базы всевозможных исследований, автор считает важным и актуальным применение междисциплинарных методов и подходов к изучению социокультурных процессов, в числе которых реорганизация сельского хозяйства. Применение данных топонимики в историческом исследовании будет способствовать более качественному анализу информации, углубленному изучению разностороннего влияния тех или иных процессов, в том числе на основании конкретных численных показателей (например, количества исчезнувших, появившихся населенных пунктов и т.п.)

Процесс формирования и развития топонимики, а также ее трансформации происходит неравномерно и скачкообразно, от одного качественного этапа к другому. Такие этапы характеризуются повышенной активностью населения, внутриполитическими и внешнеполитическими изменениями и значительной активизацией других социокультурных процессов. На топонимическую систему влияет множество факторов, как экономических, так и общественных и политических. Последние часто играют решающую роль в трансформации топонимии.

В 20–70-е гг. XX в. в СССР наблюдались значительные изменения в сфере сельского хозяйства, которые не могли не отразиться на топонимике бассейна р. Томи. В этот период происходило активное формирование колхозов и совхозов, их укрупнение и разукрупнение, «совхозовизация» и т.д. Идеологические воздействия на основополагающие принципы организации топонимической системы, проводимая государством политика в отношении аграрного сектора (его реорганизация) и социальных отношений на селе, спецпереселения и другие факторы оказали существенное влияние на изменение топонимической системы бас-

сейна р. Томи как в количественном, так и в качественном отношении. В данной статье основной акцент сделан именно на реорганизации сельского хозяйства, оказавшей решающее влияние на трансформацию топонимики.

Для воссоздания более детальной социокультурной характеристики этого периода советской истории необходимо разделить его на несколько этапов, каждый из которых сопряжен со значительными изменениями в топонимической системе исследуемого региона.

1. *Коллективизация в СССР*. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в Советском Союзе происходило активное распространение коллективного хозяйства как основной формы экономической организации сельского хозяйства.

2. *Укрупнение колхозов и создание совхозов из нерентабельных коллективных хозяйств в 50–60-е гг. XX в.* Этот этап ознаменовался уменьшением числа колхозов и «задействованных» в них населенных пунктов. Также происходило изменение названий колхозов, расположенных вблизи населенных пунктов и на их территориях.

3. *Ликвидация неперспективных населенных пунктов в 60–70-е гг. XX в.* В этот период в значительной степени сократилось количество населенных пунктов в результате ликвидации и «самоликвидации».

Решения, принимавшиеся государством на каждом этапе, приводили к появлению новых топонимов и изменению или исчезновению уже существующих. В.А. Жучкевич отмечал, что «на высшей ступени развития общественного производства установление имен и наименование объектов определяются специальными правительственными актами и декретами» [1. С. 57]. Это указывает на важную роль государственной политики в изменении топонимики.

Однако следует подчеркнуть, что общесистемные тенденции не всегда совпадают с тенденциями на уровне подсистемы или ее элементов.

В Сибири процесс землеустройства начинался в 20-е гг. XX в., когда были приняты декларация Сибревкома от 6 марта 1920 г. «О порядке выделения и пользования землей» и Земельная декларация Сибревкома от 10 марта 1920 г. На основании последней в стране уравнивались в правах и обязанностях русскоязычные крестьяне и инородцы (они интересуют автора в первую очередь). Все ранее существовавшие различия у податного населения ликвидировались [2. С. 83].

Однако государственные власти продолжили политику, проводившуюся в имперский период, по переселению крестьян за Урал, так как и на идеологию не могут не повлиять объективная реальность и необходимость. В Сибири был заложен огромный потенциал, его нужно было реализовывать хоть Российской империи, хоть СССР. Об этом писал в свое время еще Н.М. Ядринцев [3. С. 149]. Поэтому и наблюдается

преимущество в подходах «радикально противоположных» враждующих идеологических систем.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Советом труда и обороны был определен порядок переселения русскоязычных крестьян в Сибирь и землеустройства аборигенного и пришлого населения.

Изначально планировалось систематизировать уже существующие земельные отношения и упорядочить налогообложение еще остающегося в Сибири кочевого инородческого населения и, безусловно, населения оседлого. В дальнейшем обеспечивалось землеустройство пришлого в результате стихийных миграций русскоязычного населения (неприписное население), которого было около полумиллиона. Последовательность завершало плановое переселение на свободные участки крестьян из Европейской России в 1925 г.

При этом, что характерно, такое расселение было в основном на территории Западной Сибири, в частности в Верхнем Притомье, так как, например, в Хакасии, Бурят-Монгольской республике и других регионах Восточной Сибири уже разворачивалось землеустройство инородческого населения и самовольных русскоязычных переселенцев, как правило, новопоселенцев. Нужно отметить, что старожильским населением стали считаться прибывшие в Сибирь до мая 1922 г., остальные же считались новопоселенцами.

«К 1926 г. из 500 тыс. неприписного населения Сибири, прибывших до 22 мая 1922 г., было землеустроено примерно 300 тыс. человек, в том числе в Западной Сибири 206 648 человек. К 1925 г. здесь осталось 165 тыс. человек, не приписанных к земле» [2. С. 83].

В 1926 г. неприписных крестьян по-прежнему оставалось около 200 тыс., а в 1928 г. их число увеличилось на 150 тыс. Таким образом, наблюдались высокие темпы переселенческого движения в Сибирь.

Рубеж 1920–1930-х гг. обозначился в истории нашей страны качественным переходом от аграрной экономической системы с преобладанием сельского хозяйства к индустриальной с преобладанием промышленного производства, по преимуществу тяжелой и военной промышленности. Реструктуризация экономики не обошла стороной и Верхнее Притомье, на юге которого, в Кузбассе, создавался мощный индустриальный центр.

Изменения в экономике, коллективизация, индустриализация, постоянный нескончаемый поток переселенцев, как самовольных, так и «плановых», внесли значительные коррективы в жизнь коренных малочисленных народов (татар, шорцев, телеутов и т.д.), сказались на их численности, укладе, этнокультурном единстве и религиозном мировоззрении.

XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. ознаменовался провозглашением курса на коллективизацию сельского хозяйства. В 1929 г. в Советском Союзе началась сплошная коллективизация, и к 1933 г. процесс реструктуризации экономики в стране, в частности на территории Верхнего Притомья, практически завершился.

В декабре 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия, которая занималась разработкой планов коллективизации и ее темпов, ликвидации кулачества, помощи и поддержки колхозов. 2 февраля 1930 г. в Сибири на основании постановления Сибирского

краевого комитета власти приняли курс на ускорение темпов коллективизации (планировалось завершить мероприятия весной 1930 г.). В марте 1930 г. доля коллективных хозяйств в Сибири составила примерно 53%, в частности в Кемеровской области – почти 40% [4. С. 59].

В период с 1928 по 1932 г. на территории Советского Союза было организовано около 3 тыс. совхозов. Одновременно наблюдался отток населения из деревни. «В годы сплошной коллективизации из восточно-сибирского села убыло 430,5 тыс. человек. К 1935 г. за пределы края и в промышленность ушло 50–60 тыс. крестьянских хозяйств. Сельское население в крае уменьшилось примерно на 20 сельских районов» [2. С. 84]. Эти данные относятся к Восточной Сибири, однако процесс коллективизации затронул территорию практически всей страны, поэтому допустимо проводить параллели с соседними регионами.

Следует учитывать, что большинство населенных пунктов в Сибири было малочисленными. М.Д. Северьянов, в частности, пишет, что в 1936 г. из (примерно) 6 тыс. населенных пунктов в той же Восточной Сибири лишь 124 имели численность населения свыше тысячи человек [2. С. 84]. Образование мелких хозяйственных структур на селе привело к снижению показателей обработки земли, пашни. Наблюдалось также снижение экономических показателей среди мелких колхозов, в которых не хватало рабочих рук.

Параллельно с переводом индивидуальных хозяйств в коллективные решался вопрос снижения влияния кулачества, его роли в сельском хозяйстве. В 1929 г. выходит ряд постановлений («О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах» от 20 февраля [5], «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» от 21 мая [6]), содержащих критерии, по которым крестьянин мог считаться кулаком. Среди них – систематическое использование наемной рабочей силы, владение промышленным предприятием, мельницей, маслобойней и тому подобным, арендодательство и т.д. Всего таких критериев было пять.

В начале 1930-х гг. на кулачество увеличилось налоговое давление. Были повышены налоговые ставки индивидуального обложения их хозяйств: с первых 500 руб. годового дохода взималось по 20 коп. с рубля, с 500 до 700 руб. годового дохода – по 30 коп. с рубля; с 700 до 1 000 руб. годового дохода – по 40 коп. и т.д. [4. С. 59].

Темпы сплошной коллективизации постоянно взвинчивались. Если летом 1929 г. в Сибирском крае планировалось к осени объединить в коллективные 14,5% индивидуальных крестьянских хозяйств, то уже зимой Сибкрайком планировал в ближайшее время довести показатель коллективных хозяйств до 22%, а к концу пятилетки, т.е. к 1932/1933 гг., – до 85%.

«Крупные колхозы объединяли вокруг себя населенные пункты, за счет чего росла численность их населения. А это, в свою очередь, влекло за собой развитие на селе объектов социальной и культурной инфраструктуры. С другой стороны, значительная часть крестьянства не спешила обобществлять свое имуще-

ство, уходя жить из деревень на заимки. А объединение мелких хозяйств (соответственно и селений, где они существовали) в колхозы вызвало исчезновение их с карты Тарского Прииртышья» [7. С. 210]. Аналогичные процессы протекали и в Верхнем Притомье, о их результатах в численном выражении речь пойдет ниже.

Государство ожидало от коллективизации унификации и упрощения системы управления крестьянским населением, концентрации рабочей силы и планового перераспределения производственных сил и средств в интересующих государство областях, отраслях сельского хозяйства, увеличения посевных площадей и показателей товарности сельского хозяйства, поголовья скота, что напрямую влияло на продовольственную безопасность. Соответственно, усиление темпов коллективизации было связано с ожиданием достаточно быстрого положительного результата.

Параллельно с вопросом ускорения темпов коллективизации уже решался вопрос ликвидации кулацких хозяйств (не просто ограничения) на территориях, где проводились мероприятия по сплошной коллективизации (т.е. практически повсеместно). Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и Постановление бюро Сибкрайкома «К выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» [8. С. 7], по сути, спровоцировали форсирование темпов коллективизации путем насильственного объединения индивидуальных хозяйств в коллективные. Одновременно производилась экспроприация собственности зажиточных крестьян, их депортация в малоприспособленные для проживания места. Население из разных уголков Советского Союза было собрано воедино и отправлено осваивать незаселенные, труднодоступные места. Многие погибли, иных власти были вынуждены вернуть на более пригодные для жизни территории, однако были и те, кто сумел справиться со всеми трудностями, основать поселения, названия которых свидетельствуют, не побоюсь этого слова, о подвиге человеческом.

Депортация в данном случае явилась искусственной причиной миграции населения, усилила внутриагитационные и межэтнические взаимодействия, стала значительным фактором в изменении социокультурной среды на территории Советского Союза, Западной Сибири, в частности Верхнего Притомья, и толчком для трансформации топонимической системы.

Следует сказать о кооперации, крайних ее формах – колхозах-гигантах. Они объединяли несколько сотен, иногда даже тысяч дворов и огромное количество посевных площадей. Само собой разумеется, что подобного рода кооперация была нежизнеспособна, потому что контролировать такого «монстра» было достаточно проблематично. Впоследствии колхозы-гиганты разукрупнились, на их месте образовывалось несколько более или менее адекватных по размеру колхозов.

«Несмотря на усилия центральных, региональных и местных властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в Сибири не удалось. Несвоевременная доставка семян, так

и не преодоленная их нехватка, истощенность лошадей, плохая организация труда в колхозах, отсутствие стимулов для сохранения прежнего уровня производства у единоличников привели к беспрецедентному затягиванию сроков сева и сокращению посевных площадей» [8. С. 10].

Форсированные темпы коллективизации, колоссальное давление на крестьянское население привели, увы, к протестным настроениям в сельском обществе, кризисным явлениям в сельском хозяйстве, его «скукоживанию». Проявились эти кризисные явления в виде голода в ряде районов Сибири.

Безусловно, политика властей привела к существенному преобразованию аграрной сферы, что было во многом сопряжено с нежелательными, пагубными эффектами в экономике и социальной сфере. При этом массовая коллективизация значительным образом способствовала мобилизации ресурсов, которая отразится на дальнейших успехах советского государства, в том числе военных.

Ликвидация кулачества как класса провоцировала волну спецпереселений по всему Советскому Союзу. По данным архивных материалов Томской окружной колонизационной переселенческой партии [9], а также земельного отдела Каргасокского райисполкома, спецпереселенцы, которые прибыли в Томск в 1930 г., должны были разместиться в местах временного пребывания (среди них, например, железнодорожная станция «Томск-1»). Впоследствии спецпереселенцев должны были отправить в Нарымский край на постоянное место пребывания. Местные власти столкнулись с трудностями переселения, последующего размещения спецпереселенцев, так как спецпереселенческие районы не были готовы. Еще большей проблемой стало содержание спецпереселенцев на местах их временной «дислокации».

Спецпереселенческий район, его инфраструктура и ресурсная база не позволяли должным образом принять и обеспечить всем необходимым спецпереселенцев. Что говорить о районах, которые изначально даже не предполагалось использовать в качестве спецпереселенческих?

Отсутствовал жилищный фонд для спецпереселенцев, последние располагались в уже имеющихся помещениях, домах и пр. То есть имела место не организация новых переселенческих участков (как следствие – населенных пунктов, как в период Столыпинского переселения), а перераспределение ссыльных по существующим населенным пунктам (уплотнение, а не увеличение их количества).

Нескончаемый поток спецпереселенцев, отсутствие должным образом выстроенной системы по размещению, переселению, оказанию медицинской помощи привели к углублению кризисных явлений, в числе которых обострение санитарно-эпидемиологической обстановки (повышенная заболеваемость тифом, дизентерией), загрязнение целых районов города, скопление мусора и т.д. Лишь более чем через год ситуацию удалось нормализовать.

Императивное повсеместное вмешательство государства в процесс коллективизации, как бы это стран-

но ни звучало, вызвало отторжение со стороны крестьянства. Любой процесс должен протекать органично, без излишнего напряжения и дополнительных стрессовых факторов. Крестьяне должны были свыкнуться с мыслью, что теперь их личное имущество стало общим, а хозяйство – коллективным. «Поспешай медленно», как говорится. Мало того что государство инициировало противоестественный для крестьянства процесс коллективизации (с которым чисто теоретически можно было свыкнуться), так оно еще и стремилось в кратчайшие сроки этот процесс завершить.

В 1932 г. советское правительство частично пытается вернуться к экономическим методам управления сельскохозяйственным сектором и снизить административное давление на деревню. В мае публикуются постановления ЦК ВКП(б) совместно с СНК «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян» [10. С. 181], которые говорили о необходимости комбинированного подхода к регулированию сельского хозяйства, в том числе о сочетании госзакупок со свободным товарообменом города и деревни.

В этот период еще одной острой проблемой коллективизации стали негативное отношение власти к личному подсобному хозяйству (ЛПХ) и непреклонная позиция колхозников, которые это самое ЛПХ отстаивали...

Так называемое личное подсобное хозяйство интересно автору данной работы не столько с точки зрения экономического благосостояния крестьянства, его самостоятельности, жизнеспособности, сколько с точки зрения стабильного присутствия на одной и той же территории, в одном и том же населенном пункте. Как уже отмечалось ранее, крестьянское хозяйство нельзя на долгое время оставить, бросить. Крестьянин не мог куда-то уехать и забыть про посеvy, про уборку урожая. ЛПХ – своего рода якорь, который удерживает крестьянина на земле. Таким образом, наличие ЛПХ – это гарантия неизменности (постоянства) места жительства крестьянина на длительный срок. Когда у крестьян забрали все имущество и запретили иметь свое собственное хозяйство, какая-либо привязка к месту была утрачена.

Крестьянам незачем было находиться на земле, поскольку ничего своего на этой земле у них не было. В дальнейшем, когда будут укрупняться колхозы, крестьяне относительно свободно будут сниматься со своих насиженных мест, отсекал корни, которых к этому моменту осталось не так уж много. Так и появятся первые истинно неперспективные населенные пункты, которые потеряют свое население, потому что перестанут быть для этого самого населения домом.

По мнению властей, «дисперсность расселения крестьян осложняла процесс социально-экономического развития региона» [7. С. 210]. Населенные пункты, в том числе малые, объединялись в колхозы, а отсутствие «якоря» в виде ЛПХ этому потворствовало. «В результате проводимой политики к середине 1939 г. с карты Прииртышья исчезло свыше тысячи малолюд-

ных селений» [7. С. 210]. Аналогичные процессы протекали и в Верхнем Притомье.

Таким образом, основными причинами, по которым происходило расселение населенных пунктов, стали, прежде всего, политика коллективизации, нехватка рабочей силы в объединяемых в колхозы селах и деревнях и отсутствие посевных площадей, инфраструктуры. Например, «в 1938 г. на 78 населенных пунктов Усть-Ишимского района было только 14 школ, из которых 13 – школы первой ступени. В результате проводимой государством политики к началу 1940 г. в списке сельских населенных пунктов Омской области осталось 3,6 тыс. селений» [7. С. 210].

В 1950-е гг. возникла необходимость преобразования колхозной системы ввиду ее недостаточной эффективности. Началось укрупнение колхозов, второй крупный этап реорганизации сельского хозяйства в СССР, и предприятие это также носило ускоренный и императивный характер. В Сибири количество сельхозобъединений уменьшилось почти в два раза, в целом по стране – в полтора.

Государство ставит перед собой внеочередную задачу реорганизации сельского хозяйства. Постановлением ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [11] государство признавало малоэффективной деятельность мелких колхозов, отсутствие в них технической оснащенности и квалифицированной рабочей силы. Было принято решение присоединить мелкие колхозные хозяйства к более крупным. Если при коллективизации в 1930-е гг. пострадали и были частично стерты с карт малые населенные пункты ввиду объединения последних под знамя колхозов, то теперь уже малые колхозы пострадали и были частично уничтожены в результате объединения с более крупными.

Колхоз – понятие не абстрактное, а вполне конкретное, выраженное в нескольких населенных пунктах, их жителях. Ликвидация колхоза – обречение этих самых населенных пунктов и их населения на «гибель» (не физическую, само собой).

«Уже в июне 1950 г. число колхозов по стране сократилось на 15%, в июле – на 17,2%, а к 1 октября – на 44,7%. Всего в 1950 г. было объединено 199,8 тыс. (79,3%) сельскохозяйственных артелей, вместо них образовалось 64,3 тыс. укрупненных колхозов» [7. С. 209–211].

В 1950-е гг. сельскохозяйственный кризис постепенно перерос в продовольственный. Возникла резкая необходимость финансирования колхозно-совхозного сектора. Об этом заявил 8 августа 1953 Г.М. Маленков на V сессии Верховного Совета СССР. Была разработана программа аграрного развития под руководством Н.С. Хрущёва, утвержденная 7 сентября 1953 г. пленумом ЦК.

На государственное обеспечение переводились, как правило, малоимущие, «неперспективные», захудалые хозяйства. Однако имел место перевод и экономически сильных коллективных объединений для сохранения их стабильно высокого экономического уровня. В период с 1950 по 1964 г. на территории Советского Союза, таким образом, путем реорганизации (укруп-

нения или перевода в совхозы) количество колхозов снизилось в 3,2 раза, в РСФСР – в 3,9, а на территории Сибири – в 5,7 раза.

Освоение целины в 1954 г. поначалу принесло колхозам Сибири дополнительные средства благодаря увеличению объемов производства и успешной реализации продукции. Это на короткий период увеличило доходность сибирских хозяйств, так как привело к резкому увеличению валового сбора зерна, однако снижение урожайности посевов в 1957 г. привело к откату в показателях экономической эффективности.

До 1958 г. были увеличены закупочные / заготовительные цены на продукты сельхозпроизводства, улучшены условия кредитования колхозов, снижены налоги на индивидуальные и общественные хозяйства, помимо этого, введены госзакупки и отменена натуральная оплата МТС. Такие мероприятия привели к росту экономического потенциала колхозно-совхозной системы на территории Сибири чуть менее чем в 3 раза. Оплата труда также была повышена. Стоимость трудовой увеличилась в 5 раз, это увеличение коснулось и натуральной части дохода колхозников.

Личные подсобные хозяйства, которые в первую волну реорганизации экономики были практически повсеместно уничтожены, постепенно расправлялись, крепились. На территории Западной Сибири, в частности Верхнего Притомья, уровень сельхозпроизводства ЛПХ составлял практически половину от общего вместе с колхозно-совхозным.

Однако после ликвидации МТС в 1958 г. количество квалифицированных кадров в сельской местности стало резко снижаться. И без того низкодоходное колхозное производство, по сути, оказалось в состоянии кризиса. Отсутствие рабочих мест на селе послужило основной причиной оттока населения в город, и немалую часть его составляли квалифицированные кадры.

Еще больше усилился отток кадров из-за необходимости выкупа техники ликвидируемых МТС колхозами. У последних не было свободных средств для осуществления данной программы, а потому сокращались заработные платы рабочих. «В 1959–1964 гг. в Алтайском крае количество колхозных трактористов, комбайнеров и шоферов уменьшилось на 13%» [12. С. 242]. А поскольку сокращалось количество квалифицированных рабочих, техника, выкупаемая колхозами, оставалась без обслуживания и использовалась неэффективно. Такой вот замкнутый круг.

Низкая доходность колхозного сектора, низкая дисциплина трудящихся, бесхозяйственность вынуждали государство снова и снова обращаться к императивным методам регулирования сельского хозяйства. В 1955 г. стартовало движение «тридцатитысячников», которое не принесло ощутимых результатов ввиду отсутствия материальной, технической базы на селе, оттока кадров и недостаточного финансирования. Укрупнение колхозов было в самом разгаре, продолжался перевод малообеспеченных колхозов в разряд совхозов, т.е. на полное государственное обеспечение. Неэффективная политика в области сельского хозяйства привела в 1950–1960-е гг. к снижению заработной платы колхозников. К тому же большинство колхозов

Западной Сибири ввиду зернового кризиса вынуждено было вернуться к смешанным формам заработной платы, в том числе к натуральной. Усилению кризисных явлений способствовала политика власти по ограничению личных подсобных хозяйств.

Возможным путем выхода из кризиса власти видели очередное повышение цен, в частности на сельхозпродукцию. В начале 1960-х гг. это привело к удешевлению запчастей и, соответственно, техники, что снизило нагрузку на колхозы, вынужденные выкупать последнюю у МТС. Таким образом, часть средств могла пойти на выплату зарплат. Пенсионная реформа 1964 г. также способствовала росту благосостояния колхозников.

Несмотря на все попытки властей сдержать кризис и его миновать, результатом аграрной политики государства к концу 1960-х – началу 1970-х гг. стало отчуждение крестьянина от земли, средств производства и преобразование крестьянства в наемную рабочую силу, которая ввиду кризисных явлений и дестабилизации на селе понемногу, а где-то в больших масштабах, перемещалась в город. Так и появились пресловутые неперспективные деревни (малодворные поселения со слабо развитой социальной и культурной инфраструктурой, находящиеся в относительно трудной доступности от центральных усадеб [7. С. 212]), так они в конечном итоге и «самоликвидировались». Причем корень «само» растет не из желания крестьян покинуть насиженные места, бросить землю, а из государственно-правового регулирования сельскохозяйственного сектора экономики страны – долгого, непоследовательного, противоречивого, зачастую неэффективного.

Таким образом, среди факторов, которые значительно повлияли на трансформацию топонимической системы Верхнего Притомья, можно выделить следующие: продолжающиеся миграции и переселения, добровольные и императивные, с территории Европейской части Советского Союза; внутренние миграции на территории Западной Сибири, в том числе и в Верхнем Притомье; спецпереселения, в том числе кулацкая ссылка; процесс коллективизации в сельском хозяйстве, создание колхозов и совхозов; укрупнение колхозов в послевоенный период, ликвидация «неперспективных» населенных пунктов, ставшими таковыми в результате длительного процесса перестроения сельского хозяйства, в том числе изменений в колхозном строительстве и реструктуризации экономики в целом.

Урбанизация идет рука об руку с изменением топонимики. При этом урбанизацию автор данной работы не может отнести к причинам изменения топонимической системы ввиду того, что урбанизация во многом была вызвана неадекватной сельскохозяйственной политикой и являлась ровно таким же следствием, как и изменение топонимики, но никак не первопричиной.

Ликвидация неперспективных деревень представляла собой комплексное мероприятие, направленное на «оптимизацию», а фактически на изживание сельского населения с насиженных мест путем фактического уничтожения инфраструктуры, необходимой для физического существования населения. Закрытие школ, больниц, отключение линий электропередач и т.п. –

все это вынуждало людей бросать свои дома и переезжать в другие населенные пункты...

«Политика ликвидации “неперспективных” деревень заключалась в сосредоточении населения в сравнительно крупных поселках и ликвидации мелких селений. По мнению властей, такие мероприятия могли остановить отток населения из сельской местности и улучшить бытовые условия населения, приблизив их к городским. В результате реализации данной политической линии с карты Тарского Прииртышья исчезли многие населенные пункты» [7. С. 212].

С точки зрения государства, такими крупными поселками должны были стать соседние перспективные деревни, села, куда и велось перераспределение жителей. Однако государство не учитывало психологический фактор. Где гарантия, что ныне перспективная деревня через пару лет не станет неперспективной и не будет отрезана от внешнего мира? Людям, которые потеряли свое прошлое, нужно было верить в будущее. Такое будущее могло сложиться только в городе: городам не отрезают свет, воду, там не закрывают школы в таких масштабах. Зачем ехать в другую деревню, которую, вполне возможно, постигнет такая же судьба – она просто перестанет существовать? Вот и поехали люди в город, вот и начало иссякать крестьянство на Руси.

В 1962 г. темпы урбанизации достигнут таких масштабов, что численность сельских жителей впервые окажется ниже численности городских примерно на 3 млн человек. Как выяснилось, урбанизация эта была не следствием «космических» темпов роста индустриального сектора, развития промышленности, концентрировавшейся в городах, а результатом сначала коллективизации, затем укрупнения колхозов, а потом уже и ликвидации неперспективных населенных пунктов. Люди в поисках стабильности, гарантий «светлого будущего» просто переехали в город.

Государство, таким образом, добилось повышенных показателей урбанизации не в силу развития промышленности, которая, как правило, концентрировалась в городах, а в силу того, что людям просто переселение в город виделось более целесообразным, обещающим в перспективе лучшую жизнь, стабильность.

Человека в деревне держат своя скотина, огород, покос, свой собственный дом без крикливых соседей, стучащих по ночам. У него сначала отняли хозяйство, скотину, потом запретили сажать свой огород... Теперь же власти забирали у человека его «дом». Раньше у него было все, что нужно для жизни. Куда-то ехать, когда у тебя хозяйство «стоит», огород не убран – на такое решится либо слабоумный, либо такой человек, из-за которого в свое время случался массовый голод. Теперь крестьян на земле ничего не держало. Теперь у крестьян не было самой земли.

Обратимся к конкретным данным по количественным и качественным изменениям топонимической системы Верхнего Притомья в исследуемый период.

Кемеровская область

Общее количество уникальных наименований населенных пунктов в словаре В.М. Шабалина [13] равно

1 887 единицам. Немногим более чем за полвека на территории Верхнего Притомья из-за проводимой государством политики различного рода изменениям подверглось 362 ойконима (названия населенных пунктов), что составляет 19,2% от общего количества ойконимов. За 55 лет исчезло, появилось, изменило название, получило новый статус значительное количество населенных пунктов.

Изменили статус

Получили статус «города»: ойконимы Анжеро-Судженский (1931), Белово (1938), Калган (1959), Киселевск (1936), Ленино (1926), Ольжерас (1955), Мыски (1956), Осинники (1938), Прокопьевск (1931), Салаир (1941), Таштагол (1962), Топки (1933), Юрга (1949), – 13 новых астионимов.

Появились новые ойконимы

1920-е гг.: основаны населенные пункты Большая Сулага (1926), Березовка (1929), Драгунский (1928), Калининский, Калиновка, Калмыковский (1929), Канаш (1926), Клин, Малиновка (1927), Нижняя звезда, Перехляй (1929), Путь новой жизни, Трещевский (1928), Успенка (1927), – 14 ойконимов.

1930-е гг.: Баявка (1938), База Заготскот, Бараки, Болотная, Боровой / Заготскот, Заготскот, Братский, Бригада № 1, Верх-Егоз, Вольный, Восход, Вулкан, Лесной городок, Заря (6 ойконимов), Зеленый луг, Зиминка, ЗОЛХ (1937), Ильича, Индустрия, Искра, Клейзавод, Колхозная Тарба, Комиссаровка, Комсомольск, Комсомольский, Красная звезда, Красный луч, Ленинский, Майск, Майский (3 ойконима), Майский Второй, Майский Первый, Металлплощадка, Металлургов, Нива, Нижняя колония, Новая жизнь, Новая Москва, Новостройка, Новошахтерка (1931), Новый, Новый путь, Новый свет, ОСОВИАХИМ, Петровка, Пламя, Привольный (2 ойконима), Прогресс, Пушкино, Пчелка, Рассвет (3 ойконима), Рубцовка, Свет, Свобода, Свободный, Славино, Смычка, Таштагол (1939), Увал, Ударник, Ударный, Цветущий (1932 г.), Центральный (1930), Чапаевский, – всего 75 ойконимов.

1940-е гг.: Артышта Вторая, Горбольница, Каменный ключ (1949), Красная тайга, Майзас (1947), Малоэтажка, Ольжерас, Полосухо, Разведчик (1947), Салаирка, Соревнование, Тальжино (1949), Усинский (1947), Ясная Поляна (1943), Ясное Поле, – 15 ойконимов.

1950-е гг.: Алтамаш (1958), Ерунаково, Зенчиха, Карагайлинский (1959), Кедровка (1954), Малый Майзас (1956), Мир, Мирный (2 ойконима), Полуторник (1953), Польшаево (1950), Распадный (1950), Сливень (1950) Тальжино (1950), – 14 ойконимов.

1960-е гг.: Инской, Казарма, Новосафоново, Степной (2 ойконима), Терентьевское (1962), Тырган (1960), – 7 ойконимов.)

1970-е гг.: Известковый (1975).

С пометой «в советское время»: Дружный, Красный холм, Малиновка (4 ойконима), Панинск, Раздолье, Раздольное, Ракитный, Раздольный, Ранний, Ржавчик, Родниковый, Свердловский, Сергеевка, Солнечный – 17 ойконимов.

Всего в топонимической подсистеме Кемеровской области появилось 143 новых ойконима. Деструктивные тенденции в топонимической системе становятся

очевидными после 1930-х гг., когда система еще по инерции пополнялась новыми топонимами за счет переселенцев из Европейской России, своего рода отголосков столыпинской реформы. Реструктуризация сельского хозяйства в стране приводит к тому, что значительное количество населенных пунктов исчезает, при этом топонимическая система не уплотняется, а разрежается, причем катастрофически быстро. Интересен тот факт, что если не большинство, то значительная часть образовавшихся в период с 1920-х по 1970 г. населенных пунктов исчезнет как «неперспективная».

Исчезли по разным причинам: Абрамовский выселок (1930-е гг.), Агеева (1930-е гг.), Алябиха (после 1929 г.), Архангелка (1930-е гг.), Бараки (1950-е гг.), Вулкан (1960-е гг.), Искра (1960-е гг.), Новоселово (1930-е гг.), Пономарево (1950-е гг.), Поронино (после 1945 г.), Хмелево (1930-е гг.), – 11 ойконимов.

Исчезли как неперспективные в 1970-е гг.: Александровка (4 ойконима), Алексеевка (2 ойконима), Алла-Кожух, Алташ, Алчедат, Амполык, Анзас, Анохино, Асаново, Афонин Ключ, Ачкасово, Базас, Зенчиха, Горбольница, Изора, Междуреченка, Московка, Мунгат, Никифоровка, Никольский, Никулинский, Новая Деревня, Новая Еловка, Новая Жизнь, Новая Москва, Новая Уфа, Новоалександровка (2 ойконима), Новобелово, Новозаречье, Новоивановка, Новоказанка, Новопокровка, Новотроицк, Новый (3 ойконима), Новый Калтан, Овчинношубный, Одрабаш, Озерный, Краинный, Октябрь, Онинск, Орлово-Розова, Павловка, Пайкино, Первое Мая, Первомайка (2 ойконима), Первомайский, Петровка, Петровский, Пламя, Подгорный, Подкидовка, Покровка (2 ойконима), Половка, Правдинка, Предметкино, Привольный, Прудовой, Путь Новой Жизни, Пчелка, Рабочая тарба, Раевка, Рассвет, Рубцовка, Рюриковка, Рязань, Салаирка, Самарка, Сахарово, Свет, Светлый (2 ойконима), Семечково, Сергеевка, Скалистый, Смирновка, Соболевка, Советский, Сосновка, Среднее Ганово, Среднеяшкино, Средний Альбедет, Средний Камзас, Средняя Таловка, Степной (2 ойконима), Степановка (2 ойконима), Су-Мрассу, Сураново, Сутункий Брод, Тагарыш, Таенза, Таловка (2 ойконима), Талы, Ташъяма, Тиновка, Толстовка, Толстовский, Толстовский, Трехречье, Трещевский, Троицкое, Турла, Тыштым, Тюменев, Ударник, Уколь, Улус-Корчуган, Уразан, Урлеп, Урское, Усть-Берензас, Усть-Грязное, Усть-Пурла, Усть-Таймет, Усть-Узас, Усть-Уруш, Феофановка, Филиал, Чебура, Чедат, Черная Речка (3 ойконима), Черноборка, Чернолеска, Чертолог, Чирковка, Чишма, Шадрова Заимка, Шиловка, Шишино, Шодрова, Шумиха, Щемилловка, Эгрим, Этакол, Южный, Юрманово, Ясное Поле, Яя-Бобровка.

Всего исчезло 153 ойконима – на 10 больше, чем появилось за полвека (следует подчеркнуть, что за конец XIX – первую четверть XX в. исчезло всего 8 наименований населенных пунктов).

Исчезли из-за включения территории одного населенного пункта в состав другого / объединения населенных пунктов: населенный пункт (н.п.) Абагурский улус вошел в состав н.п. Абагур (1920-е гг.); н.п. Аил слился с н.п. Куздеевское, в результате чего

образовался н.п. Аило-Куздеевское (1920-е гг.); н.п. Анжерка слился с н.п. Судженка, в результате чего образовался н.п. Анжеро-Судженский (1928 г.); н.п. Горбуново (1930-е гг.), н.п. Араличево (1930-е гг.), н.п. Антоново (1930-е гг.), н.п. Байдаевка (1930-е гг.), н.п. Бессоново (1930-е гг.), н.п. Бызово (1930-е гг.), н.п. Болотная (1960-е гг.), н.п. Сад-Город (1930-е гг.), г. Кузнецк (1930-е гг.), н.п. Верхняя колония (1930-е гг.), н.п. Нижняя колония (1930-е гг.), н.п. Соцгород (1930-е гг.), н.п. Островская площадка (1930-е гг.) вошли в состав г. Новокузнецка; н.п. Афонино, н.п. Черкасово, н.п. Казачий вошли в состав г. Киселевска (1930-е гг.); н.п. Березовский, н.п. Октябрьский, н.п. Южный вошли в состав г. Березовского (1965); н.п. Зенково, н.п. Зиминка вошли в состав г. Прокопьевска (1930-е гг.); н.п. Старая Юрга вошел в состав г. Юрга (конец 1940-х гг.); н.п. Новостройка слился с н.п. Новая Малиновка, в результате чего образовался н.п. Малиновка, – 29 ойконимов.

Географические названия заменяются другими / названия изменяются: Артышта был переименован в 1940–1950-е гг. в Артышта Первая в результате строительства ж/д станции Артышта Вторая для разграничения понятий; г. Щегловск был переименован в г. Кемерово (1932); Клековка до 1967 г. называлась Поселок фермы № 1 совхоза «Юргинский»; Кобылино в 1939 г. было переименовано в Береговое; Святая гора в 1930-е гг. была переименована в Красную горку (в период коллективизации жители были репрессированы и выселены за его пределы, поселение было переименовано согласно советской революционной идеологии), Красная горка до 1962 г. носила название Ферма № 2 совхоза имени Чкалова; Поселок фермы № 2 совхоза «Октябрьский» в 1967 г. был переименован в Ленинградский; Ленино вместе с получением статуса города было переименовано в Ленинск-Кузнецкий (1926); Линейный до 1967 г. носил название Поселок № 1 совхоза «Арлюкский»; Ольжерас вместе с получением статуса города был переименован в Междуреченск (1955); г. Новокузнецк был переименован в 1932 г. в Сталинск (в 1961 г. было возвращено прежнее название); Тракторная в 1970-е гг. была переименована в Юла, – 13 ойконимов.

Изменили статус с административной точки зрения: получили статус «пгт» – «поселок городского типа»: населенные пункты Абагур (1957), Барзас (1934), Бачаты (1958), Грамотеинский (1952), Ижморский (1958), Итатский (1958), Калтан (1950), Карагайлинский (1963), Кедровка (1957), Крапивинский (1958), Красногорский (1956), Листвяги (1956), Малиновка (1958), Мундыбаш (1934), Никитинский (1961), Промышленная (1936), Таштагол (1952), Тяжинский (1958), Урск (1935), Тугунаш (1944), Шерегеш (1957), Ягуновский (1950), – 24 ойконима.

Томская область

Ниже приводятся данные за период с 1939 по 1980 г. по пяти районам Томской области, территориально относящимся к Верхнему Притомью: Асиновскому, Зырянскому, Кривошеинскому, Томскому и Шегар-

скому [14. Д. 158. Л. 1–8; Д. 165. Л. 1–5; Д. 173. Л. 1–13; Д. 176. Л. 1–7; 15. Л. 3, 78–79, 127–142, 202; 16. Д. 11. Прил. Л. 1; Д. 13. Прил. Л. 1; Д. 15. Прил. Л. 1; Д. 28. Прил. Л. 1; Д. 31. Прил. Л. 1; 17. С. 248, 254–255; 18. С. 254–255, 282–283].

Асиновский район. По подсчетам автора, на территории Асиновского района в период с 1939 по 1980 г. существовало 143 уникальных наименования населенных пунктов.

Населенный пункт Вознесенка вошел в состав города Асино в 50-е гг. XX в. Населенный пункт Ксеньевка изменил название на Асино и в 1952 г. получил статус города. Семь населенных пунктов были отнесены к другим районам в ходе административных преобразований (4,9%).

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930–1940-е гг.: Березовая грива, Воскресенка, Сосновка, Большое Семеново, Качайкино, Малое Семеново, Малое Семеново (хут.), Лаптевка, Сайчич смолокурка, Трескулова, Андреевский, Разъезд 66 км., Горелый 2-й, Горский 2-й, Васильевка, Пашенский 1-й, Пашенский 2-й, Викторовка, Дозмаровка, Кужелевский остров, Устье Малой Нисы, Комжар, Дом Петряковой, Новотроица, Кисенская Пасека, Берег реки Чулым, Кузнецовка, Аникина, Клин, Куликовка, Мало-Жирова, Чернышевский, – 32 ойконима, или 22,4%.

1950-е гг.: Пашенский 2-й, Дракино, Каурово 2-е, Нагорный, Нижне-Кайнары, Барнаулка, Рябчевка, Малая Антоновка (Малая Антиповка), Сухоречка, Огнерубово, Юрково, Новотроица (Новотроицкие хутора), Красная Курья, Кужербак, Лысая Гора, Ишкольский – 16 ойконимов, или 11,2%.

1960-е гг.: Устье Красной Курьи, Совхоз Яя, Луговой, Озерный, Рассвет, Березовский, Березовка, Горелый 1-й, Дудкино, Каурово 1-е, Октябрьский, Кайнары, Кузнецовка, Комаровская мельница, Копыловка 2-я, Большая Антоновка (Большая Антиповка), Таньково, Корнеевка, Чувашовка, Жауталь (Каутали, Кайтал-Кужербак), Малый Кардон, Красино, Восток, Заимка Уточкина, – 24 ойконима, или 16,8%.

1970-е гг.: Заготзерно, Устье Лай, Кокымыво (Кымово), Березовка, Прокопьевка, Верхние Соколы, Бороковка (Чесноки), Ново-Покровка, Воробьевка, Зимаревка, Коржнево, Верх-Кужербак, Сборный, Нижняя Анга, Нижняя Курья, Орловка, Челбак Вятский, Челбак Смоленский, Тиунова (Тигунова) заимка, – 19 ойконимов, или 13,3%.

В разные годы исчез 91 ойконим (63,6% от общего количества). Из них хуторов – 8 (5,6%), заимок – 8 (5,6%), населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 30 (21%). Итого 46 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 32,2% от общего количества или примерно половину от исчезнувших (50,6% от 91 утраченных). Десять ойконимов являются топонимами-конструктами (7% от общего количества).

Зырянский район. По подсчетам автора, на территории Зырянского района в период с 1950 по 1980 г.

существовало 77 уникальных наименований населенных пунктов. 11 населенных пунктов было отнесено к другим районам в ходе административных преобразований (14,3%).

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1950-е гг.: Митюшкино, Одерный (Одринка), Добровольный (хутор Литвинов), Заимка Левина, Туйла, Тайга, Чедодаты, Мангазеина (Мангазеево), Четь-Берегай, Бихтуим, Солганы, Березовка, – 12 ойконимов, или 15,6%.

1960-е гг.: Красноярка, Усачево (Усачевка), Платоновка, Старая Павловка, Ивановка, Рассвет, Заготскот (Поселок Скотобаза), Кашнинский хутор, Каменский Кордон, Потекин (Новоселовский), Кардон Тукайский, Федоровский, Сухой Лог, Торба, Антошкин кордон (Антошкино), – 15 ойконимов, или 19,5%.

1970-е гг.: Новая Павловка, Высел Вершинина (Вершинка), Устье-Кия (поселок Морфлот), Арышево, Рассвет, – 5 ойконимов, или 6,5%.

В разные годы исчезло 32 ойконима (41,6% от общего количества). Из них хуторов – 2 (2,6%), заимок – 1 (1,3%), населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 9 (11,7%). Итого 12 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 15,6% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (37,5% от 32 утраченных). Три ойконима являются топонимами-конструктами (3,9% от общего количества).

Кривошеинский район. По подсчетам автора, на территории Кривошеинского района в период с 1939 по 1980 г. существовало 84 уникальных наименования населенных пунктов.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930–1940-е гг.: Каромы, Мельничный, Нефтебаза, Сергеевка, Баньковские, Егоровка, Ново-Малиновск, Орешинская, Русинская, Мысловая, Тунгусский бор, Вольный, Устье-Каным, Черепаново, – 14 ойконимов, или 16,7%.

1950-е гг.: Ново-Андреевка, Картуль, Веселенький, Родинский отрез, Средняя речка, Анисимовка, – 6 ойконимов, или 7,1%.

1960-е гг.: Ставское, Кайбасово, Бровцева (Бронцево), Долорес, Бобраковская (Бобреновка), Каменка, Сидоровка, Спуливка, Новый мир, Тайлашевка, Украинка, – 11 ойконимов, или 13,1%.

1970-е гг.: Ивановка, Козырбак, Айканиево, Горевка (Гурьевка), Семеновка, Междуречино, Петухово, Ивановка, Кантовка, Крестовка, Маличевка, Добрынка, Ново-Клевка, Новый Путь, Старая Обь, Тугулино, Юг, – 17 топонимов, или 20,2%.

В разные годы исчезло 48 ойконимов (57,1% от общего количества). Из них хуторов – 4 (4,8%), заимок – 0, населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 15 (17,9%). Итого 19 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что

составляет 22,6% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (39,6% от 48 утраченных). Пять ойконимов являются топонимами-конструктами (6% от общего количества).

Томский район. По подсчетам автора, на территории Томского района в период с 1939 по 1980 г. имелось 177 уникальных наименований населенных пунктов.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1930-1940-е гг.: Зоновка, Лесоперевалочная база, Казанцева, Новый Сабьт, Сафроновка, Якимовка, Большанина, Нижне-Шубина, Горный Яр, Маркушинский, Савино, Хайдуково, Красный хуторок, Чуровский, 32-й Километр, 37-й Километр, 45-й Километр, Малиновка, Пролетарка, Советский, Моряковка, Сенная курья, Смолокурная дача, Мазиха, Самохина заимка, совхоз Бактина, Дачный городок, Татарский городок (Новая Эушта), – 28 ойконимов, или 15,8%.

1950-е гг.: Белобородово, Иглаковка, Мельница колхоза «Искра», Ларино (Ново-Ларино), Оловянно-ково, Кондратьевск, Аникино, Зимовье, Совхоз № 2 НКВД (Совхоз МВД), – 9 ойконимов, или 5,1%.

1960-е гг.: Нижние Озера, Первый Сибирский, Скоп, Совхоз «Агрокультура», Чичаг, Калугино, Кулаково, Филиппово, Совхоз Заварзино, Межениновский совхоз, Борово (Боровой), Реженка 1-я, Просекино, 34-й Километр, Мало-Петухово, Таловка, Луговая (Луговое), Рождественка (Ильичевка), Витебка, Серебряково, Гуляева, Красный Восток, Украинка, – 23 ойконима, или 13%.

1970-е гг.: Баталино, Кирек, Малые Ключи, Молочное, Власово, Каменка, Покровский, Упгала, Падумск (Падун, Поддун), Медведский (Медведка), Гортоп, 28-й Километр, Тегильдеево (Тигильдеево), Чернышевский, Жуковка, Горбуново, Пушкарево, – 17 ойконимов, или 9,6%.

В разные годы исчезло 77 ойконимов (43,5% от общего количества). Из них хуторов – 14 (7,9%), заимок – 6 (3,4%), населенных пунктов, численность населения которых не превышало за весь период 40–50 человек – 11 (6,2% ества). Итого 31 населенный пункт не представлял собой устойчивого образования в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 17,5% от общего количества, или примерно 2/5 от исчезнувших (40,3% от 77 утраченных). Четыре ойконима являются топонимами-конструктами (2,3% от общего количества).

Шегарский район. По подсчетам автора, на территории Шегарского района в период с 1939 по 1980 г. было 110 уникальных наименований населенных пунктов. Ново-Казанка *слилась* с Ново-Ильинка (1970-е гг.), Ново-Российский *слился* в этот же период с Ново-Ильинкой.

Населенные пункты исчезли / были ликвидированы как неперспективные

1940-е гг.: Беляковский, Красногорка, Краснозерский, Вознесенский, Перелюбский, Леонова, Горбуново, Казюлино, Ново-Игловка, Красная Игловка, Орловка, Плотбище, Пушкарева, Прибольничное хозяйство, Салтанаково, Раковский, Войково (Мельничный), Каркушенский, Пряловский, Фроловский, Кирилинск,

Первомайский, Герай, Скачок, – 24 ойконима, или 21,8%.

1950-е гг.: Ново-Российский, Михайловка, Березовка, Ленинский (Ленинск), Малая Гарь, – 5 ойконимов, или 4,5%.

1960-е гг.: Иловка (Иловский), Ново-Никольск, Лесной, Фимушинский, Клюжево, Реченск (Ново-Покровка), Андросово, Ново-Октябрьск, Осинники, Астальцево, Абросимовка, Нижний склад, Новая Заря, Троицкий, Ново-Октябрьск, Успенка (Адамовск), Безунакова, Малые Кулманы, Поздняково на Шегарке, Еловка, Мельниково, Еловка, Саргат, – 24 ойконима, или 21,8%.

1970-е гг.: Кирьяновка, Дубровинка, Малый Баткат, Росташевка, Комаровка, Ново-Рождественский, Мура, – 7 ойконимов, или 6,4%.

В разные годы исчезло 60 ойконимов (54,6% от общего количества). Из них хуторов – 6 (5,5%), заимок – 0, населенных пунктов, численность население которых не превышало за весь период 40–50 человек – 6 (5,5%). Итого 12 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 11% от общего количества, или примерно 1/5 от исчезнувших (20% от 60 утраченных). Пять ойконимов являются топонимами-конструктами (4,5% от общего количества).

Таким образом, общее количество уникальных топонимов на территории пяти районов Томской области в период с 1939 по 1980 г. равно 591. Исчезло в разные годы 308 топонимов (52,1% от общего числа). Из них (исчезнувших): хуторов – 34 (5,8% от общего числа), заимок – 15 (2,5%), населенных пунктов, численность населения которых не превышало за весь период 40–50 человек – 71 (12%). Итого 120 населенных пунктов не представляли собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), что составляет 20,3% от общего числа существовавших на территории ойконимов, или примерно 2/5 от числа исчезнувших (39% от 308 утраченных). Двадцать два ойконима представляют собой топонимы-конструкты, что составляет 3,73% от общего количества.

Если взглянуть на список потерянных навсегда наименований географических объектов, можно проследить определенную закономерность: количество исчезающих топонимов в разные временные отрезки в разных районах примерно одинаково. И эти временные отрезки соотносятся напрямую с государственным вмешательством в аграрную сферу экономики, сельское хозяйство. Уничтожение значительного количества топонимов, стирание их из топонимической системы напрямую соотносятся с этапами активизации аграрной политики советской власти. Коллективизация, укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных деревень – гибель населенных пунктов.

К вопросу о коллективизации на территории Верхнего Притомья. Чтобы человек оставался на земле, ему нужно быть заинтересованным в результате своего труда. «...Народный труд в деле колонизации, в области его самостоятельности и творчества, не должен

быть стесняем, он предоставлен до известной степени самому себе» [3. С. 156]. Как в земельном вопросе «эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока на местах заселяемых условия жизни будут выгоднее, нежели на местах покидаемых» [3. С. 147], так и в вопросе крестьянского, теперь уже коллективного, труда люди всегда будут делать так, как им наиболее выгодно. Поскольку люди не получают выгоды от коллективного труда, не получают прибыли, буквально не видят результата своей работы, ни о каком успехе мероприятий советской власти в области сельского хозяйства, конкретно его оптимизации, и речи быть не может. Отсюда и бесхозяйственность, отсюда и голод, отсюда кризис сельского населения, разложение и последующее уничтожение, в некоторой степени самоуничтожение, крестьянства как сословия, подрыв социальный стабильности в деревне, в сельской местности.

Таким образом, государственная политика привела к резкому снижению числа населенных пунктов и, соответственно, качественному и количественному изменению топонимической системы.

Политика государства очень неустойчива. Сменяется администрация, сменяется правительство, сменяется государственная власть. Власть подвержена номенклатурным веяниям, идеологическим воздействиям. Глубинная топонимика, создаваемая веками, даже тысячелетиями, в конечном итоге берет верх над «напускной», советской. И среди «социалистических» топонимов все равно пробивается значительный пласт

географических названий, исконно аборигенных, исконно русских (переселенческих).

Советская власть оказала деструктивное влияние на самоорганизацию топонимической системы, искусственно внедрила единообразие в пеструю палитру этнокультурных, социокультурных красок, в которые окрашена топонимическая картина. Появлялись императивно созданные колхозы, совхозы, но их существование не было обеспечено ничем иным как волонтеристской, непреклонной политикой партии и правительства. Как появлялись, так и исчезали...

Система рушилась, потому что искусственно регламентировалась (хоть и косвенно), потому что в систему была заложена «бомба замедленного действия». Сначала в 1930-е гг. исчезали малые населенные пункты (отрубы, хутора, заимки), потому что на их территории вести хозяйство было нельзя, а колхозы, где люди могли и должны были трудиться, находились в более крупных населенных пунктах. В 1950–1960-е гг., после войны, ликвидировались, самоликвидировались уже бывшие «средние» населенные пункты и даже колхозы, численность населения и экономический потенциал которых по понятным причинам (снижение численности населения, прежде всего мужского, послевоенная нищета) снизился до критического уровня. Ну а уже в 1960–1970-е гг. ликвидировались «потерявшие» свой колхоз населенные пункты, деревни и села, в которых не было инфраструктуры или последняя была, но ее содержание себя не оправдывало, было «неперспективно». Деревня уходила в город.

Список источников

1. Жучкевич В.А. Общая топонимика. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
2. Северьянов М.Д. Государственная земельная политика в Сибири в 20-е – 80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 82–86.
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
4. Орлова Е.А. Создание колхозов у телеутов в 1929–1933 гг. (на основе документов из фондов Государственного архива Кемеровской области) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 63. С. 59–64.
5. О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.02.1929 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27525 #Н Му7YfT i8B31dy9T> (дата обращения: 29.11.2024).
6. О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде : постановление СНК СССР от 21.05.1929 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=u4vBYfTFdkAST5o4&cacheid=8D1C31915F9F0641F4B9CE6BB35E488B&mode=splus&rnd=CCHndQ&base=ESU&n=37789#ZBwBYfTugGVoxAuw> (дата обращения: 29.11.2024).
7. Соколова Е.В. Основные причины и этапы исчезновения деревень Тарского Прииртышья в советский период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (23). С. 207–217.
8. Ильиных В.А. Коллективизация Сибирской деревни, январь–май 1930 г. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009. 488 с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 105.
10. Бабашкин В.В. Социальные последствия коллективизации 1930-х гг. и «второй коллективизации» 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы : социальный мир деревни X–XXI вв. Воронеж : Науч. книга, 2020. С. 179–185.
11. Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле: постановление ЦК ВКП(б) от 30.03.1950 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246651-postanovlenie-tsk-vkp-b-30-maya-1950-g-ob-ukrupnenii-melkih-kolhozov-i-zadachah-partiynyh-organizatsiy-v-etom-dele> (дата обращения: 29.11.2024).
12. Андреевков С.Н. Колхозно-совхозная система Сибири в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: особенности, тенденции и вектор развития // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 240–247.
13. Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой : краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск : Наука, 1994. 225 с.
14. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1.
15. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
16. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938 гг. / отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
18. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1939–1945 гг. / отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 311 с.

References

1. Zhuchkevich, V.A. (1968) *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. 2nd ed. Minsk: Vysheyschaya shkola.
2. Severyanov, M.D. (2013) Gosudarstvennaya zemel'naya politika v Sibiri v 20-e – 80-e gg. XX v. [State land policy in Siberia in the 1920s–1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 366. pp. 82–86.

3. Yadrintsev, N.M. (1889) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
4. Orlova, E.A. (2020) Creation of telet collective farms in 1929-1933 (based on documents from KRSA (Kemerovo region state archives). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 63. pp. 59–64.
5. Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR. (1929) *O poryadke primeneniya kodeksa zakonov o trude v kulatskikh khozyaystvakh: postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 20.02.1929* [On the procedure for applying the labor code in kulak farms: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR dated February 20, 1929]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27525#HMy7YfT i8B31dy9T> (Accessed: 29th November 2024).
6. Council of People's Commissars of the USSR. (1929) *O priznakakh kulatskikh khozyaystv, v kotorykh dolzhen primenyat'sya kodeks zakonov o trude: postanovlenie SNK SSSR ot 21.05.1929* [On the characteristics of kulak farms in which the labor code should be applied: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated May 21, 1929]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=u4vBYfTFdkAST5o4&cacheid=8D1C31915F9F0641F4B9CE6BB35E488B&mode=splus&rnd=CCHndQ&base=ESU&n=37789#ZBwBYfTugGVoxAyw> (Accessed: 29th November 2024).
7. Sokolova, E.V. (2017) Osnovnye prichiny i etapy ischeznoeniya dereven' Tarskogo Priirtysh'ya v sovetskiy period [The main reasons and stages of the disappearance of the villages of the Tarskoye Irtysh region in the Soviet period]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(23). pp. 207–217.
8. Ilinykh, V.A. (2009) *Kollektivizatsiya Sibirskoy derevni, yanvar'–may 1930 g.* [Collectivization of the Siberian Village, January–May 1930]. Novosibirsk: [s.n.].
9. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-338. List 1. File 105.
10. Babashkin, V.V. (2020) Sotsial'nye posledstviya kollektivizatsii 1930-kh gg. i “vtoroy kollektivizatsii” 1950-kh gg. [Social Consequences of Collectivization in the 1930s and the “Second Collectivization” of the 1950s]. In: Gorskiy, A.A. & Kondrashin, V.V. (eds) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe: the Social World of the Village in the 10th–21st Centuries]. Voronezh: Nauch. Kniga. pp. 179–185.
11. The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1950) *Ob ukрупnenii melkikh kolkhozov i zadachakh partiynyykh organizatsiy v etom dele: postanovlenie TsK VKP(b) ot 30.03.1950* [On the consolidation of small collective farms and the tasks of party organizations in this matter: resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of March 30, 1950]. [Online] Available from: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246651-postanovlenie-tsk-vkp-b-30-maya-1950-g-ob-ukрупnenii-melkih-kolhozov-i-zadachah-partiynyh-organizatsiy-v-etom-dele> (Accessed: 29th November 2024).
12. Andreenkov, S.N. (2008) Kolkhozno-sovkhoznaya sistema Sibiri v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg.: osobennosti, tendentsii i vektor razvitiya [The collective farm and state farm system of Siberia in the mid-1950s - early 1960s: features, trends and vector of development]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 240–247.
13. Shabalin, V.M. (1994) *Tayny imen zemli Kuznetskoy : kratkiy toponimicheskii slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: A Brief Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: Nauka.
14. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-591. List 1.
15. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 31.
16. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1700. List 5.
17. Danilov, V.P. & Krasilnikov, S.A. (eds) (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri, 1933–1938 gg.* [Special Settlers in Western Siberia, 1933–1938]. Novosibirsk: EKOR.
18. Danilov, V.P. & Krasilnikov, S.A. (eds) (1996) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri, 1939–1945 gg.* [Special settlers in Western Siberia, 1939–1945]. Novosibirsk: EKOR.

Сведения об авторе:

Тухель Анатолий Андреевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС), преподаватель Юридического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhel Anatoly A. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences, a Junior Researcher at the Problematic Research Laboratory of the History, Archeology and Ethnography of Siberia (PNIL IPP), Lecturer at the Faculty of Law of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 15.11.2024; accepted for publication 01.04.2025